

Виктор-Казимир Болеславович АРЕНДТ

(1843 - 1929?)

ДНИ КОММУНЫ 1871 года

М.: Ц.К.МОПР. 1929

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru), 2010.
Дореформенная орфография оригинала сохранена, порядок примечаний изменен, дополнительные ссылки добавлены нами.

Документы, исследования, публицистика, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
С.Н.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля Леруа, В.Арендта, Ипполита Нозля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР, 1961). Тт.1, 2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.) План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.: АН СССР. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)

Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)»), 2000 г.).

Эту литературу можно скачать в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

в сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также <http://politazbuka.ru/>

Содержание

Польский гарибальдийский кружок
Наш кружок принимает участие в польском восстании 1863 г.
Перед Коммуной
Парижский пролетариат и правительство национальной обороны
Провозглашение Парижской Коммуны
Наступление версальцев
Страдные дни Коммуны
Перед концом
Последние судороги Коммуны

«Дни Коммуны» — попытка воскресать по памяти и разрозненным заметкам великую трагедию, разыгранную французском пролетариатом в 1871 году на улицах Парижа. Я должен подчеркнуть, что это только попытка. Я передаю перипетии борьбы и связь между ее отдельными моментами так, как я понимаю и понимал их в ту эпоху. Не в моих силах уже дать полный и даже точный отчет об этих событиях. Не претендуя на то, что мое перо может сделать вклад в историческую науку, я позволяю себе все же посвятить эти строки героическим теням павших за дело Коммуны.

В.-К.Арендт

ПОЛЬСКИЙ ГАРИБАЛЬДИЙСКИЙ КРУЖОК

Летом 1859 года по Европе разнесся призывный клич Гарибальди, приглашавшего волонтеров на освобождение итальянского народа от австрийского и папского владычества. В Польше на этот призыв откликнулось много молодежи. В Варшаве образовался специальный гарибальдийский кружок, в состав которого входили Ярослав Домбровский, Валерий Врублевский, Антон Березовский, Анна Пустовойтова и др. К этому же кружку

присоединился и я, самый младший, только в том же 1859 году окончивший гимназию.

Домбровский к этому времени был уже опытным солдатом, получившим боевое крещение на Кавказе и в Севастополе, где с Малахова кургана он обменивался выстрелами с французским броненосцем, на котором находился поручик Густав-Поль Кюзере – будущий главнокомандующий войсками Парижской Коммуны. Врублевский окончил варшавский университет; Березовский – варшавскую сельскохозяйственную академию; Пустовойтова – Оксфордский университет.

В Сицилии, Сардинии, Ломбардии и Неаполе этот кружок, зародившийся в Польше, увеличился еще на несколько человек, сплоченных тесной дружбой...

В 1860 г., по окончании войны, мы распрощались в Неаполе с Гарибальди, который, поблагодарив нас «за боевые труды, за лишения, долготерпение и безропотность», сказал: «Теперь с миром и чистой совестью на отдых. Мне тяжело с вами расставаться. Не забывайте же меня и – не прощайте, а до свиданья»»

Мы разъехались по домам.

Прошло три года, в течение которых я успел пройти курс краковской академии по историко-филологическому факультету, Домбровский окончил в Петербурге академию генерального Штаба*. Пустовойтова провела время в Париже и Лондоне, общаясь с выдающимися революционерами того времени. Врублевский и Березовский – работали по своим специальностям.

НАШ КРУЖОК ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ В ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1863 г.

В 1863 г. вспыхнуло польское восстание. Домбровский, порвав с русским генеральным штабом, стал во главе организаций отрядов и русско-польских кружков.

В это время я снова столкнулся с Врублевским, Березовским и Пустовойтовой. Все мы входили в отряд генерала Дионисия Чаховского, оперировавшего против русских войск в пределах Келецкой, Радомской и Люблинской губерний. 26 ноября Чаховский был убит, Березовский, Пустовойтова и я – взяты были в плен и препровождены на радомскую гауптвахту. При помощи офицеров русской службы, Пржевальского и Всеволода Крестовского, Антон Березовский бежал с гауптвахты в Париж, и

* Попастъ в академию генерального штаба Домбровский мог только благодаря своим исключительным способностям. Для поляков была установлена пятипроцентная норма, попасть в которую было нелегко.

мы с ним больше не видались. В июне 1867 г. он покушался в Париже на жизнь Александра II, был арестован и сослан на вечную каторгу в Новую Каледонию. Врублевский благополучно ускользнул от Плена, а Пустовойтову и меня отправили в варшавскую следственную тюрьму «Павиак», из которой мы вскоре были переведены в 10-й павильон Варшавской цитадели, где уже томился заключенный Ярослав Домбровский, приговоренный к 15 годам каторжных работ, Пустовойтова и я были отправлены в ссылку, и уже в следующем 1864 году мы находились в Великом Устюге.

В 1864 г. Домбровский совершил удачный побег из московской пересыльной тюрьмы, называвшейся тогда «Колымажный двор», и очутился в Париже.

По отбытии назначенного мне срока ссылки, лишенный права проживать в столицах и в Варшаве, я также отправился в Париж. Здесь я снова стал встречаться с Пустовойтовой, жившей тогда на даче в Виль-д'Авре, и поселился недалеко от нее. По соседству с нами находилась дача Леона Гамбетты, с которым мы пребывали в очень хороших отношениях.

Дача в Виль-д'Авре, расположенная между Парижем и Версалем, вскоре стала центром, в котором собирался наш прежний кружок. Братья Домбровские, Врублевский и другие наши соотечественники, хотя и жили в самом Париже, в доме Дюффена, но часто навещали нас, поддерживая с нами непрерывную связь до начала Парижской Коммуны.

ПЕРЕД КОММУНОЙ

Темы наших бесед оставались неизменными. Мы громили Наполеона «маленького», обманувшего наши надежды в 1863 г., строили бесконечные планы, делилась политическими новостями. Среди польского общества, бывавшего на даче в Виль-д'Авре, самой заметной фигурой был Ярослав Домбровский. Это был единственный человек, мнения которого не оспаривались, светлая голова которого и энергия заставляли считать его нашим вождем. Особым качеством Домбровского была его способность увлечь за собой своих слушателей.

Человек порывистый, он вместе с тем был прекрасно дисциплинирован. Речь его всегда была образна, сильна и захватывала слушателя. Подкупал и его открытый характер. За его удивительную способность одновременно писать и поддерживать разговор мы в шутку прозвали его «Цезарем». Говорить, однако, «для разговора», он не любил и часто подсмеивался над Врублевским – природным оратором и, быть

может, немного краснобаем. Среди других выделялась также и Пустовойтова. Анна Теофиловна была самой необыкновенной, по тем временам, женщиной. Она поражала всех не только своим высоким интеллектом, но и своей эрудицией по любому вопросу. Человек она была добрый, отзывчивый и вместе с тем горячий и даже вспыльчивый. В вопросах, которые она принимала близко к сердцу, она была энтузиасткой, убежденной в конечном торжестве справедливости. В общении это был милый, крайне симпатичный человек, который охотно переходил серьезного к шутке и смеху. Не лишена она была и чувства юмора. Я усердно занимался французским языком, который давался мне не легко. Помню, однажды показал я ей свое стихотворение, написанное по-французски. Взглянув на него, она рассмеялась, сказав по-польски: «У тебя, Виктор, твердое перо (я был каллиграфом), но ты не Виктор Гюго».

В Виль-д'Авре бывали постоянно и другие поляки: Каменецкий, Микульский, Антонина Пустовойтова, поэт Свидзинский, бывал и русский профессор Автократов, женатый на Марии Володкевич, и француз Дюффен, женатый на Констанции Володкевич.

Политическая обстановка во Франции между тем становилась все более напряженной и наконец разразилась франко-прусской войной.

С первыми же неудачами угас дешевый, уличный патриотизм и замолкли крики — «В Берлин!». Наступила осень 1870 года, и над Парижем повеяло революцией...

Обстоятельства для революции сложились весьма благоприятно. Для защиты Парижа, обложенного с половины октября 1870 г. и ожидавшего бомбардировки, надо было вооружить население, призвать в ряды Национальной гвардии всех взрослых, способных носить оружие. Для этого правительство вынуждено было снабдить всякого гражданина обмундировкой, оружием и патронами.

Таким образом, кроме войска, призваны были на военную службу люди из лавок» контор, фабрик и заводов. Их оказалось более трехсот тысяч человек. В большинстве это были пролетарии — жители предместьев Сент-Актюана и Тампля и рабочие массы Бельвиля, Монмартра и Гренеля, рассчитывавшие больше на ружье, чем на избирательную записку.

Правительство и буржуа находились в постоянной тревоге, опасаясь за свою власть, имущество и существование, так как вооружение парижского народа равносильно было вооружению революции.

Вся эта масса находилась в постоянном движении, осаждала клубы, в которых раздавались призывы к политическому и социальному освобождению, собиралась на бульварах для манифестаций, провозглашала противоправительственные лозунги.

Таково было положение к 4 сентября 1870 г.

Французская армия продолжала терпеть одно поражение за другим и в результате пришла к Седанской капитуляции. Весть об этом дошла до Парижа. Толпы рабочих кинулись к зданию Законодательного Собрания, требуя низложения императора.

4 сентября 1870 г. с трибуны Законодательного собрания Леон Гамбетта прочел постановление об уничтожении империи и объявил, что «Луи-Наполеон Бонапарт и его династия навсегда перестали владычествовать во Франции». В то же время в ратуше был объявлен список нового правительства — Правительства «национальной обороны».

Из нашего кружка на митинге в ратуше присутствовали братья Домбровские, Пустовойтова, Врублевский. Я же в этот день оставался на даче.

Париж жил лихорадочной жизнью. Освобожденный из тюрьмы «вечный узник», старик Бланки, приступил к изданию своей газеты «Отечество в опасности», в которой резко критиковал действия нового правительства и призывал народ к революции

Казалось бы, что свержение Луи-Наполеона должно было способствовать парижскому народу захватить власть в свои руки, но момент был упущен, и во главе правительства национальной обороны стали люди, по своему существу враждебно относившиеся к делу освобождения рабочего класса.

В эти дни Анна Пустовойтова сделалась редким гостем в Виль-д'Авре и с головой ушла в работу в газете «Ля Сосиаль», основанной романисткой Леони Тансэ.

Мы же, во главе с Домбровским, записались в Национальную гвардию.

Дело освобождения французского народа связывалось у нас и с судьбами нашей родины...

ПАРИЖСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ПРАВИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

4 сентября 1870 г. вечером делегаты рабочего класса явились к представителю нового правительства — Леону Гамбетте и предъявили ему свои условия, на которых они считали возможным оказать содействие правительству. Эти условия заключались в следующем: 1. Избрание муниципальных советов для организации

и вооружения батальонов. 2. Уничтожение полицейских префектур с передачей их функций муниципалитетам. 3. Смещение всех городских служащих и утверждение новых, избранных народом. 4. Отмена репрессивных законов, касающихся печати. 5. Свобода союзов и собраний. 6. Уничтожение бюджета культов. 7. Отмена приговоров по политическим делам и освобождение всех арестованных.

На все эти условия Гамбетта на следующий день дел уклончивый ответ. Вместо же выборов, правительство само назначило главного мэра и его помощников в 20 округах Парижа. Все это были лица, сочувствующие правительству и враждебно настроенные к революции.

Тогда парижский пролетариат стал в оппозицию к правительству и образовал «Центральный республиканский комитет двадцати округов». Этот комитет немедленно ввел в Национальной гвардии систему выборов начальников и приступил к вооружению всего народа.

В течение времени со дня свержения Наполеона до дня 18 марта парижскому пролетариату представлялось еще три случая, когда он мог легко взять власть в свои руки.

8 октября должно было начаться восстание, организованное в Кордери. Заседавшее в ратуше правительство не опасалось еще никакого восстания и могло быть застигнуто врасплох. К сожалению, один из батальонных командиров, Густав Флуранс, поторопился и явился со своим батальоном в ратушу 6 октября. Встревоженное правительство немедленно приняло меры предосторожности, и батальон вынужден был отступить. Своим преждевременным выступлением Флуранс разрушил план восстания, и 8 октября главные силы парижан ограничились простою демонстрацией.

31 октября разыгралось более горячее дело. В этот день население Парижа было возмущено тремя известиями: сдачей Базеном Меца со 160 тысячами защитников, отступлением французских войск из Бурже и приездом в Париж Тьера для переговоров с немцами о мире. Толпа рабочих приступом взяла входы в ратушу и легко захватила членов правительства. Организовавшееся новое рабочее правительство, во главе с Бланки, Виктором Гюго, Ледрю Ролленом, Распайлем, Делеклюзом и Флурансом, немедленно составило прокламацию, провозглашавшую учреждение Революционной Коммуны. Прокламация эта была отправлена в газету «Officiel», но не была напечатана, так как типография газеты все еще находилась в распоряжении правительства национальной обороны, а вечером того же дня

войска генерала Трошю вновь заняли ратушу и принудили Бланки с его товарищами удалиться.

После этой неудачной попытки парижан завладеть властью прошло три месяца. 22 января 1871 года Центральный революционный комитет двадцати округов Парижа уполномочил своих членов Бланки, Каниа, Тридона, Вальяна и Лавердэй — организовать на площади ратуши восстание при помощи батальонов из Батиньоля и Монмартра, которым поручено было захватить пушки.

Но в то время, когда внутри ратуши велись переговоры с делегатами батальонов, из окон ее раздались залпы еще раньше засевших там солдат. Этими залпами были убиты 30 национальных гвардейцев и их командиры Каниа и Лавердэй. Борьба оказалась невозможной, и батальоны отступили к улице Тамплъ.

Таким образом и это восстание потерпело неудачу.

27 января Жюль Фавр и Бисмарк подписав условия перемирия. Главою исполнительной власти во Франции стал Тьер. Главная мысль его была направлена к тому, чтобы скорее заключить окончательный мир с Германией и подчинить себе Париж. Он назначил главнокомандующим Национальной гвардией генерала Орелля де-Паладина, губернатором Парижа — Винуа и префектом полиции — Валентена. Эта три лица, объявив осадное положение, должны были разоружить Париж, отнять у народа пушки и ружья. Новая власть прежде всего запретила издание всех либеральных газет, смело и громко говоривших об истинном положении дел в столице. Центральный комитет и Национальная гвардия выразили протест против всякой попытки разоружения народа, заявили, что они будут противиться этому силою оружия и откроют пальбу из тех же пушек, которые они взяли из Пасси и парка Ваграмской площади и поставили на высотах Бельвилля, Монмартра, в парке Монсо и на Шамонских высотах. Начальников Национальной гвардии было постановлено переизбрать. Главнокомандующим был избран Гарибальди, но он вскоре заболел; Фельто и Жаклар были избраны начальниками отрядов, а Шарль Люлье — начальником артиллерии.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Тьер приказал своим генералам на рассвете с 17 на 18 марта направить войска на высоты Монмартра и Бельвиля, чтобы овладеть орудиями. Главным руководителем этой операции назначен был Винуа. Генералы Сюсьбьель, Леконт, Клеман Тома и Патюрель подошли к этим высотам, перебили часовых и захватили часть пушек; выстрелы разбудили Национальную гвардию и

окрестное население. Произошло столкновение, во время которого солдаты 88-го полка, братаясь с народом, бросились на своих генералов и офицеров, арестовали их и расстреляли Леконта и Клемана Тома. Сюсьбьель отступил на линию внешних бульваров, и пушки были снова поставлены на те же высоты. Винуа дал сигнал общего отступления.

То же самое произошло и на высотах Бельвиля. Генерал Фаррон вынужден был отступить.

Испытав досадную неудачу, Тьер приказал своим министрам, генералам, штабу и чиновникам — немедленно эвакуироваться в Версаль, и сам первым бежал из Парижа. Но министры, парижские мэры и депутаты еще заседали в министерстве иностранных дел. Узнав о смерти двух генералов, они также решили поспешно покинуть Париж, при чем, как передавали, Жюль Ферри вынужден был выскочить из окна. Во время этого последнего заседания министерства два проходивших мимо батальона федералистов могли легко захватить всех министров, но они упустили этот благоприятный случай, и министры бежали в Версаль.

Париж очутился во власти восставшего народа. Наши генералы Эдд и Дюваль настаивали на том, чтобы довести победу до конца, преследуя по пятам отступавшего неприятеля. Но тогда их разумного совета никто не послушался, а исполнение его спустя две недели оказалось уже гибельным для федералистов.

26 марта во всех округах Парижа состоялись выборы членов Коммуны.

После выборов Центральный Комитет вышел на площадь ратуши, чтобы ввести во власть народных избранников.

Тысячи рабочих, женщин и детей стекались из всех предместий Парижа. Сто тысяч национальных гвардейцев выстроились в каре на площади и по прилегающим улицам. Сверкали на солнце штыки, и реяли красные знамена. Десятки оркестров играли марсельезу, которую подхватывали толпы народа. Когда Ранвье, стоя на эстраде, прочел список избранников и воскликнул: «Именем народа Коммуна провозглашена», приветственные крики «Да здравствует республика! Да здравствует Коммуна!» — долго не смолкали. Этим единодушным криком парижский пролетариат приветствовал своих избранников, принимавших на себя власть и бремя революции.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬЦЕВ

К сожалению, с первых же дней существования Коммуны обнаружилось, что ей недоставало опытного и умелого руководства, недоставало органов управления и контроля»

которые могли бы организовать и дисциплинировать революционный порыв массы.

2 апреля 1871 г. версальская армия под начальством генерала Винуа двинулась к Парижу с западной его стороны и заняла Курбевуа, Нейльи, Медоне, Клярме и Мон-Валериен, откуда и стала посылать в Париж свои снаряды. Гражданская война началась.

Наши аванпосты были оттеснены от батальона Домбровского, в котором я находился, на другой берег реки Сены. Здесь мы собрали своих федералистов, с которыми заняли баррикаду перед мостом Нейльи, так называемое предмостное укрепление, и открыли ружейную стрельбу. В это время версальская дивизия Брюа, прошедшая через Виль-д'Авре и Монтрету, слилась у Сен-Клу с другой бригадой, имевшей на левом фланге кавалерию Галлифе, а Винуа перевел свои орудия из Мон-Валериена и двинул на нас 74-й полк. Мы встретили эту атаку залпами и заставили неприятеля отступить. После этого нас атаковали полк моряков и 113-й полк. Этой атакой мы были выбиты из предмостного укрепления и заняли казармы в Курбевуа и Пьюто.

Атакующих было более 30 тысяч человек, нас же, занимавших передовые позиции в Пьюто и Аньере, — не более 3 тысяч. Подавленные численным превосходством неприятеля, осыпанные снарядами, часть которых упала в Париж, мы отступили под защиту укреплений, опоясывающих северо-западную часть Парижа. Но с прибытием подкреплений, через ворота Майльо, мы остановили атаку версальцев и к вечеру вынудили их ретироваться к Мон-Валериену.

Версаль торжественно отпраздновал свою победу, расстреляв при этом взятых в плен национальных гвардейцев, как дезертиров 88-го полка.

Внезапное нападение версальцев взволновало весь Париж. Национальные гвардейцы стали толпами направляться к западным укреплениям, на которые были свезены и орудия. К полудню 3 апреля более ста тысяч человек заняли все улицы, прилегающие к Триумфальной арке, требуя немедленной вылазки на врага.

Исполнительная Комиссия Коммуны, состоявшая из Бержере, Дюваля, Эдда и других, закрыла городские ворота, вооружила укрепления, и нам было сказано: «Защищайтесь, как знаете».

Нашей вылазкой 3 апреля началась цепь тех военных неудач, которые, переходя от одной к другой, роковым образом довели Коммуну до окончательного падения. Исполнительная Комиссия Коммуны сколько могла противилась вылазкам, но она должна была уступить требованиям народной массы: парижское население

буквально бросалось на дула версальских пушек, не сомневаясь в своей победе.

Три военачальника, не составив никакого плана, разделили Национальную гвардию на три отряда. Правое крыло назначалось для производства демонстрации на Рюйель и Шату, с целью вызвать в этом направлении передвижение неприятельских сил. Центр (через Исси, Медон, Шавиль и Вирофле) и левое крыло (через Банье, Вилла Курблэ и Велизи) должны были двинуться на Версаль. Для выполнения этой задачи собрано было 40 тысяч человек; 20 тысяч под командой Бержере и Флуранса были расположены на авеню Нейльи и на прилегающих улицах, а остальные части, под начальством Дюваля и Эдда, расположились вблизи Версальских и Ванвских ворот. Но и здесь не чувствовалось центрального руководства, отсутствовала строгая военная дисциплина; всякий национальный гвардеец располагался по своему желанию, у любого знамени, и немногочисленные офицеры ничего не могли с ними сделать. Да это и понятно, так как большинство сражавшихся рабочих никогда не служило на военной службе. Федералисты располагали очень незначительным количеством артиллерийских орудий, походных лазаретов вовсе не было, не хватало и продовольствия — хлеба, сухарей. Избранные генералы в большинстве своем были люди не военные. Они часто не были знакомы не только с военным делом, но и со своими обязанностями, а в своих приказах не руководились ни тактическими, ни стратегическими соображениями. Все шли, как на парад или на военную прогулку, рассчитывая, главным образом, на то, что версальские солдаты будут браться с нами.

Наши движения начались в 3 часа утра. Бержере, с 10 тысячами гвардейцев, без разведчиков, перешел мост Нейльи и через Рон-Поан вышел на дорогу в Рюйель. Внезапно из Мон-Валериена загремели орудия и внесли в отряд сильную панику. Неприятельские бригады Доделя и Гренье, с кавалерией Галлифе, возле Сен-Клу и Гарша атаковали Бержере, к которому только, что успел присоединиться Флуранс с 1500 чел. Оба они стали поспешно отступать, направляясь в Нантерр, чтобы скорее достигнуть Парижа, но между Рюйелем и Нантерром их настигла версальская кавалерия, и колонна была изрублена саблями, Флуранс был отрезан и отброшен в Шату, а Бержере с остатком своей армии успел отступить к реке Сене и перешел обратно мост Нейльи. Левое крыло в 7 тысяч человек, под начальством Дюваля, заняло ночью плато Шатильон и оттеснило аванпост генерала Дю-Барайля до Вилла Кублэ, в 4 километрах от Версаля. Но в этом пункте колонну Дюваля встретил убийственный огонь бригады

Деррайа, морской полк пехоты с полевыми орудиями и дивизия Пелле. Не имея орудий, отряд Дюваля вынужден был отступить и направился на плато Шатильон, где и заночевал.

Такую же неудачу потерпела и колонна центра в 10 тысяч человек под начальством Ранвье, Авриала и Эдда. В этой колонне, в батальоне Домбровского, находился и я. Взяв Мулшу и Ба-Медон и дойдя до Валь-Флери и Бельвю, мы прогнали жандармов и полицию, составлявших авангард версальской армии; но, встретив бригаду Ла-Мариуза с многочисленной артиллерией, мы вынуждены были отступить. Под защитой фортов Исси и Ванв, которые Ранвье укрепил осадными орудиями, мы остановили дальнейшее наступление неприятеля.

В результате мы потерпели полное и непоправимое поражение, которое заставило Коммуну перейти из активного наступления к пассивной обороне Парижа.

Версаль снова праздновал победу и снова расстреливал пленных национальных гвардейцев. Первыми были расстреляны Эмиль Дюваль, начальник его штаба и его адъютант. Стоя под дулами наведенных на них ружей, они прокричали: «Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!» Густав Флуранс, со своим адъютантом Амилькаром Чипри, был расстрелян еще накануне этой бойни. Весь Париж, не участвовавший в сражении, следил за перипетиями драмы с высот Монмартра и Бельвиля. Коммуна объясняла неудачу вылазки неспособностью военачальников, которые не получили на нее даже формального разрешения Исполнительной Комиссии.

Поэтому Коммуна предложила Бержере и Эдду отказаться от звания членов Исполнительной Комиссии, заменила их и убитого Дюваля — Верморелем, Делеклюзом и Курнэ, а главою военного управления назначила Кюзере. Одновременно, чтобы прекратить расстрелы пленных и раненых национальных гвардейцев, Коммуна издала 2 декрета:

1. О предании суду членов версальского правительства: Тьера, Фавра, Пикара, Дюфора Симона и Потюю, — за то, что они «объявили и начали гражданскую войну, напали на Париж, убили и ранили национальных гвардейцев и линейных солдат, а также женщин и детей». На их имущество был наложен арест «до тех пор, пока они не предстанут перед народным судом».

2. О задержании нескольких десятков человек, «уличенных в сообщничестве с версальским правительством», в качестве заложников. «Всякая казнь военнопленного, — гласил декрет, — или сторонника законного правительства Парижской Коммуны

будет иметь своим немедленным следствием казнь тройного числа заложников».

Этим декретом Коммуна надолго парализовала неистовство версальцев.

СТРАДНЫЕ ДНИ КОММУНЫ

Между тем неприятель, становясь все более настойчивым и смелым, вооружил осадными орудиями Мон-Ва-лериен, Монтрету и Бримбардьян и начал вести правильную бомбардировку Парижа. С 5 апреля укрепления от ворот Монруж до ворот Сен-Уен, а также и южные форты Ванв и Исси, были заняты нашими батальонами. Перед фортами вырыты были траншеи, тянувшиеся до Мулино, Кламара, Валь-Флери. На правом берегу р.Сены нами вновь был занят Курбеуа и забаррикадирован мост Нейльи.

На северо-западе Парижа все еще командовали Бержере и Бургонь, которые были отброшены к стенам старого парка, где Бургонь и был убит.

Тогда Коммуна решила назначить командирами более сведущих и более осторожных людей, и вместо Бержере был назначен Ярослав Домбровский. Назначение его, как иностранца, вызвало сначала некоторое неудовольствие, но Исполнительная Комиссия успокоила Национальную гвардию, объяснив, что Домбровский «во время последнего польского восстания был избран главнокомандующим и в течение нескольких месяцев оказывал сопротивление русской армии.

Он служил в качестве генерала под начальством Гарибальди и пользуется у него исключительным уважением. Приняв командование вогезской армией, Гарибальди тотчас же попросил содействия гражданина Парижа и даже подверг его аресту.

Гражданин Домбровский принимал также участие в кавказской войне, где боролся, как и сейчас, за независимость нации, которой угрожал неумолимый враг.

Таким образом, гражданин Домбровский — несомненный военный и преданный солдат Всемирной Республики».

Одновременно и другие иностранцы были назначены военными начальниками: Владислав Домбровский — помощником Ярослава Домбровского, итальянец Ла-Цециллия — начальником штаба, а Валерий Врублевский — командующим южными фортами.

Главная квартира Домбровского находилась в Ла-Мюэт. Он лично руководил батальонами, расположенными от Левалоа, Перре и Нейльи до Поань дю Жур, а через своих адъютантов — Августа Околовича и Анфана и ординарцев распоряжался войсками, стоявшими от Аньера до салотопки в Сен-Уене.

Главная квартира Врублевского находилась в Шантильи. Войска его разделялись на три части: первая находилась в фортах Ванв и Исси, вторая — в фортах Монруж и Бистер, а третья занимала форт Иври и траншеи Вильжьёф. Под начальством Врублевского находились Брюнель и Лисбон, которых заменяли Ла-Цециллия, Ветцель и Эдд.

Новое командование умело предвидеть опасности, комбинировать силы и маневрировать, но беда заключалась в том, что армии уже почти не существовало. В самые лучшие дни Домбровский и Врублевский располагали только 30 тысячами бойцов. Но и этот состав революционной армии быстро редел под градом пуль и гранат 150 тысяч отборных солдат Мак-Магона и Винуа.

Домбровский исправил положение, созданное его предшественниками на берегу Сены, в Аньере, Курбеуа, Нейльи и возле ворот Майльо. С 9 апреля по 24 мая, он вел энергичную защиту Парижа, освободил жителей местечка Нейльи из погребов, в которых они спасались от бомбардировки.

17 апреля адъютант Домбровского Околович был тяжело ранен, и взамен его была назначена Анна Пустовойтова, которая вихрем носилась по фронту, передавая приказания Домбровского.

Положение наше, в траншеях ворот Мальо и вдоль пояса каменных стен, было самым отчаянным. Все мы находились точно в аду, подвергаясь непрерывным нападениям, не имея возможности заснуть даже на один час. Мы постоянно меняли свои окопы, из которых противник выбивал нас градом снарядов. Местечки Аньер и Левалоа обращены были в груды развалин и мусора, среди которых продолжалась неравная борьба. Охраняя, северо-западную часть Парижа, мы едва могли сдерживать наступление врагов. Мы уже ничего не могли сделать, чтобы помешать успехам версальцев. Наши бойцы, постоянно выбиваемые из окопов, постепенно отступали, оставляя под развалинами более упорных товарищей, не желавших уходить со своих мест до последнего момента.

Крики радости раздались среди версальцев, когда рухнула городская стена. Сквозь открытую брешь парижане могли видеть опустошенную местность и часть неприятельского лагеря.

Послышались сигналы горнистов к атаке. Среди федералистов раздались крики: «Штурм! Версальцы наступают!» На эти крики со всех пунктов северо-западной части города стали сбегаться к нам вооруженные парижане

Узкие улицы возле стен то и дело выбрасывали группы решительных людей, обречших себя на смерть. Перебравшись

через груды щебня, они очутились у пролома стены, и широкая рана, разрывавшая каменный пояс города, закрылась пестрой толпой, размахивавшей винтовками Шаспо.

Домбровский был впереди. Подле него находились командиры, на лицах которых была написана героическая решимость умереть.

Версальцы хорошо понимали, что настал решительный момент и что еще одно последнее усилие — и они станут хозяевами революционного Парижа. Но пролом представлял собою узкое дефиле, и версальские войска должны были сузить свой фронт, чтобы сражаться в столь ограниченном пространстве. Федералисты же отражали осаждающих каждый раз, когда они намеревались взобраться по щебню. Штыки погружались в тела, сражающиеся схватывались в рукопашную и валились на землю.

Версальские войска атакывали скаты проломов, но никто из парижан не отступал. Так в течение нескольких часов происходило сражение 17 апреля. Трупы осажденных и осаждающих нагромождались кучами, затрудняя продвижение версальцев. Наконец, солнце начало заходить. Тогда Мак-Магон, Даву и Винуа дали приказ трубить к последней атаке.

Домбровский учел момент. С криком: «Коммунары, вперед! Спасайте революцию! За нами весь Париж!» — он сам бросился вперед. Наэлектризованные примером вождя, охваченные одним общим инстинктом, точно побуждаемые невидимой силой, коммунары внезапно, без всякого порядка, бросились из пролома вниз и лавой кинулись на осаждающих.

Неожиданность нашего нападения внесла смятение в ряды версальских войск. К нам примкнули женщины и дети. Версальцы» разбившись на мелкие группы, не видя и не слушая своих офицеров, обратились в бегство.

В этом бою погибли мои друзья Каменецкий и Микульский.

В то же время в южном районе, на фортах Ванв, Исси и на холмах Баньи, отличался другой герой — Врублевский.

29 апреля, у ворот Майльо к Домбровскому присоединились франк-масоны. Они водрузили на укреплениях свои белые и красные знамена и заявили, что «если их коснется хотя бы одна пуля, они все единодушно пойдут против общего врага». 30 апреля версальские пушки в ключья расстреляли полотнища франк-масонских хоругвей. Верные своему обещанию, масоны взяли за оружие. Они оказались хорошими солдатами.

ПЕРЕД КОНЦОМ

На р.Сене находилась флотилия, которая энергично поддерживала наши боевые операции. Но 13 мая, когда одна из ее канонерок, «Estok», была пущена т дну вся флотилия вынуждена была отступить шике моста Согласия. В то же время Домбровский принужден был оставить Левелоа и Клиши и отступить к Парижу, так как все наши орудия оказались подбитыми. Между тем версальцы, перейдя по понтонному мосту через Сену, укрепились в Булонском лесу. Таким образом, положение наше осложнилось и из критического превратилось в безнадежное.

События эти совпали со временем подписания во Франкфурте мирного трактата правительства Тьера с Бисмарком, который еще 7 мая требовал от Тьера отозвания версальской армии за р.Луару. Это обстоятельство развязало руки Тьеру, и он совершенно свободно, по своему усмотрению, стал управлять дальнейшими событиями, стремясь к тому, чтобы скорее раздавить революцию.

Прежде всего он отправил своего уполномоченного Вейссе в Париж с поручением подкупить Домбровского. В ответ— Домбровский приказал повесить Вейссе.

В воскресенье 21 мая рухнули ворога Сен-Клу, и в Пйриж вошли 4 корпуса версальцев под командой генералов Дуэ, Сиссэ, Ладмиро и Винуа. Коммуна заседала в ратуше, когда она получила срочную эстафету Домбровского: «Версальцы вошли через ворота Сен-Клу. Принимаю меры, чтобы отбросить их. Если можете прислать подкрепление, отвечаю за все».

Подкрепления Домбровский не получил, и версальцы продолжали занимать одну позицию за другой.

Вступление версальцев в Париж вызвало большую Тревогу. На всех колокольнях ударили в набат, барабаны били тревогу, но пушечные выстрелы заглушили все эти звуки.

Военный министр Делеклюз нашел, что теперь только «час революционной борьбы пробил» и распустил по домам всю армию, обязав каждого национального гвардейца защищать свой дом и улицу. Федералисты устремились в свои кварталы, в свои улицы, на свой перекресток, чтобы там возвести баррикады из камней мостовых.

Поле сражения было оставлено, и вместо систематического, организованного сопротивления, которое на долгое время задержало бы противника и причинило бы ему тяжелые потери, на всех улицах Парижа стали происходить частные и безрезультатные стычки, в которых федералисты последовательно уничтожались.

ПОСЛЕДНИЕ СУДОРОГИ КОММУНЫ

С 23 мая на всех улицах Парижа началась баррикадная борьба.

24 мая, во время неравной схватки с версальцами на улице Мира, Домбровский, бросившись с Верморелем на противника, был смертельно ранен пулей в живот, и 25 мая мы хоронили своего вождя на кладбище Пер-ля-Шэз.

После гибели нашего вождя, я с Анной Пустовойтовой и членом Коммуны Артуром Арнольди и остатками отряда Домбровского перешли в отряд Врублевского. Мы расположились на площади Жанны д'Арк за баррикадой, на бруствере которой Анна Теофиловна водрузила красное знамя с надписью: «Да здравствует социальная республика и Парижская Коммуна!» Но знамя это развевалось недолго. 26 мая, когда версальцы атаковали нашу баррикаду, Пустовойтова метким выстрелом ранила командира версальского отряда, юного офицера Буланже, впоследствии ставшего военным министром. Раздался ответный залп, и Пустовойтова свалилась на наши руки бездыханная и окровавленная... Ее унесли с побоища на моем пальто.

В тот же день была убита родственница Анны Теофиловны — Антонина Пустовойтова, девушка-героиня, работавшая при отряде Врублевского в качестве сестры милосердия. Вечером, на кладбище Пер-ля-Шэз, мы похоронили ее рядом с Домбровским...

Парижская газета «Cri du peuple», узнав о смерти Пустовойтовой и приняв Антонину за Анну, поместила некролог, в котором говорилось, что ее «честное», доблестное имя вечно будет служить примером для вступающих в жизнь юношей с пылкой душой и благородным сердцем»...

С Анной Теофиловной мне больше не пришлось встретиться. До последнего времени я сохранял твердое убеждение, что она умерла от ран. Убеждены были в этом и ее родные, с которыми я летом того же года встретился в Польше. На самом же деле, оправившись от ран, эта замечательная женщина прожила еще десять лет и умерла в Париже от разрыва сердца, которое так горячо билось за дело освобождения человечества...

За победой версальцев последовала их месть. Начались казни и убийства. Первая бойня устроена была в парке Монсо, вторая в доме № 6 на ул. Розье, где были расстреляны 18 марта генералы Леконт и Клеман Тома. Пленных федералистов отправляли в Саторри - эту пролетарскую голгофу.

Но парижане еще не сдавались. Начались пожары. Спасая защитников Коммуны, женщины бегали по городу, поджигали правительственные здания и этим, хоть на время, отвлекали

версальцев от натиска на последние баррикады. Горели дворец Тюильери и городская ратуша, а взрывы все еще следовали за взрывами, наполняя воздух грохотом, пламенем и дымом.

Зрелище было фантастическое и грандиозное по красоте и ужасу. Это были похороны революции...

28 мая задавленная социальная революция переживала последние судороги. Выстрелы раздавались все реже, и наконец на ул. Рампонно прозвучал последний выстрел. Эхо его замолкло, — и революция была раздавлена... 38 тысяч парижан было убито, 40 тысяч сослано на галеры и в Новую Каледонию, и только горсть коммунаров спаслась бегством.

Не многим из нас удалось бежать за границу. Но правительство Тьера преследовало нас и здесь. Оно твердо и настойчиво требовало нашей выдачи «во имя международного права и всемирной нравственности».

Англия отказалась выдать нас французскому правительству, а вслед за ней и другие державы отказались играть роль загонщиков для реакции. Жизнь и свобода бежавших участников Парижской Коммуны были спасены.

Я бежал в Женеву вместе с Владиславом Домбровским, поэтом Карлом Свидзинским, Гроховским, Чарновским, Бабинским и профессором Автократовым.

Из Женевы я пробрался в Варшаву, где был арестован за «предполагаемое участие в Коммуне» и выслан в Эчмиадзинский уезд, Эриванской губернии, сроком на три года. Здесь я пробыл вместо трех — пять лет, и в апреле 1877 г., во время русско-турецкой войны, был сдан в солдаты в 153-й Бакинский полк.

* * *

Парижская Коммуна, в рядах которой я был только солдатом Национальной гвардии в отряде Домбровского, не раз служила источником революционного энтузиазма народных масс.

К сожалению, революционный Париж не нашел поддержки среди французского крестьянства, и в этом кроется одна из причин падения Коммуны. Над деревенской Францией в то время тяготел еще целый мир суеверий и религиозных предрассудков. Сельский житель смотрел на городского рабочего, как на тунеядца, который добивается всеобщего равенства лишь для того, чтобы ограбить имущество и сбережения крестьянина. Коммуны же, возникавшие в провинциальных городах, быстро терпели поражения и не могли оказать никакой помощи Парижу. И Парижская Коммуна, одна выдерживавшая натиск контрреволюционных сил Франции, погибла под ударами объединившейся реакционной буржуазии.